

ЛЕЛЯ ЗОЛотоВА

АМЕРИКАНО- СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС 1968 г.

В мае 2012 г. исполняется сорок лет с момента визита президента США Р. Никсона в Москву и подписания Соглашения об ограничении стратегических вооружений (ОСВ/SALT). Этот саммит примечателен по нескольким причинам. Тогда, впервые с 1961 года (после встречи Дж. Кеннеди и Н.С. Хрущева в Вене), лидеры государств возобновили практику относительно регулярных контактов. Во-вторых, многолетний период затяжной подготовки к переговорам, инициированным президентом Л. Джонсоном, успешно завершился, когда стороны собственно приступили к переговорам в 1969 г. уже при администрации Р. Никсона. В результате были подписаны важные документы, открывшие возможность сотрудничества в ближней перспективе. Другими словами, от формального признания обеими сторонами после Карибского кризиса (октябрь 1962) паритета в обладании ядерным стратегическим оружием до оформления отношений де-юре прошло почти 10 лет. Осознание глобальной ядерной угрозы и распространения ядерного оружия привело обе стороны за стол переговоров, что в 1968 году завершилось заключением Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

1

Политика «наведения мостов», проводимая администрацией Л. Джонсона в от-

ношении стран социализма, положила начало длительному процессу их вовлечения в международное сотрудничество и постепенно привела к кратковременному снижению напряженности во взаимоотношениях между Западом и Востоком (*détente*), а в длительной перспективе косвенно способствовала крушению социалистического лагеря и окончанию «холодной войны».

В истории влияния Чехословацкого кризиса на американско-советские отношения есть любопытный момент, упоминаемый в мемуарах Л. Джонсона. Летом 1968 г. американцы оказывали давление на Москву, желая определить дату и место начала переговоров о SALT. Президент США писал: «Я знал, что если в Чехословакии произойдут серьезные события, это сведет к нулю возможность начать переговоры о стратегических вооружениях, по крайней мере на какое-то время»¹.

В понедельник 19 августа 1968 г. посол СССР в Соединенных Штатах А.Ф. Добрынин позвонил Госсекретарю Д. Раску и сообщил о том, что советское руководство имеет долговременное предложение по обсуждению мирного использования ядерной энергии, в качестве места проведения переговоров предлагалась Москва, начать их предполагалось примерно 15 октября. Сообщение было немедленно передано на борт президентского самолета-

та, совершавшего посадку в Детройте. Полный текст послания содержал проект сообщения для прессы, составленный советским руководством: «Достигнуто соглашение о том, что Президент Соединенных Штатов Америки Линдон Б. Джонсон посетит Советский Союз в первой декаде октября 1968 г. для обмена мнениями с лидерами СССР по вопросам, представляющим взаимный интерес»².

Вечером, вернувшись из поездки, Л. Джонсон обсудил это послание с ожидавшими его в Белом доме Д. Раском и советником президента по национальной безопасности У. Ростоу. Было решено принять предложение и сообщить об этом в прессе 21 августа. К 20 августа 1968 г. пресс-служба Белого дома подготовила сообщение о запланированной поездке президента в СССР, а пресс-секретарь Т. Джонсон назначил пресс-конференцию на полдень следующего дня. 20 августа, во время традиционного ланча по вторникам (Tuesday lunch), президент Л. Джонсон предложил всем присутствующим шерри и произнес тост: «За успех грядущей октябрьской встречи на высшем уровне в Советском Союзе! Это может стать блестящим завершением моего президентского срока»³. Министр обороны США К. Клиффорд, участник описываемых событий, отметил в мемуарах, что он еще никогда не видел президента настолько взволнованным: «Когда мы подняли наши бокалы, я понял, что контроль над вооружениями имеет для Линдона Джонсона такую же важность, что и вопрос гражданских прав во внутривнутриполитической жизни».

Договор о нераспространении ядерного оружия был готов для подписания 1 июля 1968 года. Этому предшествовал инициированный американцами обмен посланиями между президентом Л. Джонсоном и председателем правительства СССР А.Н. Косыгиным. В результате было решено в день его подписания объявить о достижении сторонами договоренности о том, чтобы в ближайшее время начать переговоры «относительно комплексного ограничения и сокращения как систем до-

ставки наступательного стратегического и ядерного оружия, так и систем обороны против баллистических ракет»⁴. В конце июля 1968 г. А.Н. Косыгин прислал Л. Джонсону телеграмму с предложением о встрече в Москве в течение месяца. Предложенная дата совпадала с проведением Конвенции демократической партии, на что президент немедленно обратил внимание, однако заявил: «В течение месяца я точно буду в Москве». О готовности Л. Джонсона поехать в Москву Д. Раск и К. Клиффорд узнали, встретившись с ним 29 июля 1968 года. Совпадение дат заставило их высказаться в пользу изменения срока поездки, то есть организовать ее после партийного съезда. Аргументы, озвученные Клиффордом, состояли в том, что это может «подрезать» демократическую партию и ее номинанта (которым, «как все мы предполагали, мог быть Хьюберт Хамфри»), а «нетерпеливое поведение» президента может быть раскритиковано в прессе. Согласившись с этими доводами, Джонсон дал распоряжение Д. Раску продолжить планирование саммита⁵.

По свидетельству К. Клиффорда, на протяжении лета 1968 г. Л. Джонсона не покидали мысли о возможности решительного завершения президентского срока — «саммите с Советами», который мог бы дать начало переговорам о SALT. Американское правительство было настроено в отношении этого вопроса весьма серьезно, что может подтвердить личное послание Р. Макнамары, датированное летом 1968 года, в котором сообщается, что он готов «немедленно оставить пост президента Мирового банка, если он будет назначен руководителем переговорной группы контролю над вооружениями»⁶. Это объясняет, почему 11 ноября 1968 г. А.Н. Косыгин пригласил Р. Макнамару для проведения длительного разговора по поводу ОСВ, когда тот совершил по пути в Афганистан кратковременную остановку в Москве, равно как и позволяет предположить, что к этому времени американцы уже сформировали переговорную группу и у нее уже был руководитель.

2

Инициатива проведения переговоров по ограничению стратегических вооружений, которые спустя годы привели к заключению соглашений, принадлежала министру обороны США Р. Макнамаре. Согласно его оценке, в зарождении этого проекта «главную роль сыграли» Уолт Ростоу и Сай Вэнс⁷. «Переговоры по ограничению стратегических вооружений [SALT] выросли <...> из понимания, разделяемого в том числе Президентом, что нам следует воспользоваться любой возможностью для разработки соглашения с Советами по ограничению стратегических ядерных вооружений, и поводом для этого стало событие в Федеральном здании в Остине, Техас, произошедшее приблизительно в начале декабря 1966 года», — сказал Р. Макнамара в интервью в 1975 году.

На встречу в г. Остине с Л. Джонсоном для обсуждения военного бюджета на 1968 года, который ему предстояло вскоре представлять Конгрессу США, прибыли Р. Макнамара со своим заместителем С. Вэнсом и начальники всех пяти штабов видов и родов вооруженных сил США. Министр обороны был намерен решительно не согласиться с единым мнением начальников штабов о необходимости дальнейшего развития противоракетной обороны, в связи с чем он предложил им изложить свои позиции президенту. В этой ситуации в заявлении Р. Макнамары оставалась некоторая неопределенность, поскольку начальник Штаба военно-воздушных сил, рекомендовавший расширение в военно-воздушных силах стратегических наступательных ракетных сил и одновременно с этим введение очень дорогой противоракетной обороны против советских ракет, «которые были не более и не менее способны преодолеть такую оборону, чем его собственные ракеты», признал нелепость своей позиции. «Начальники [штабов] были единодушны в рекомендации, что мы продвигаем очень и очень дорогую ракетную оборону, которая, как считали Сай Вэнс и я, будет в конечном результате причиной траты миллиардов долларов и

не приведет к значительному возрастанию военной безопасности нации», — пояснил министр обороны причину несогласия представителей военного руководства со своей позицией на совещании у Л. Джонсона.

Отвечая на вопрос президента, Р. Макнамара заявил, что «всецело не согласен», «решительно против развития противоракетной обороны» и «посоветовал ему в самых возможно сильных терминах отказаться от поддержки позиции начальников [штабов]». Фактически Л. Джонсон был поставлен в ситуацию выбора между рекомендациями начальников штабов и министра обороны в ответе на вопрос, следует или не следует развивать противоракетную оборону. Это была «для него очень некомфортная ситуация и, по существу, для меня тоже, так как мне не нравилось ставить его перед таким трудным выбором как в политическом, так и в военном смысле». Однако, как признал Р. Макнамара, они с С. Вэнсом, зная о твердой поддержке Конгрессом позиции начальников штабов, обдумали и точное развитие ситуации, и прием, который мог уменьшить политическое давление и привести президента к принятию сделанных ими рекомендаций, а не единой позиции начальников штабов. Проблема заключалась в том, каким образом «показать неадекватность поддержки Конгрессом военных расходов, в которых мы не нуждались», так как еще до проведения встречи у президента Конгресс выделил средства на противоракетную оборону, которые «мы оказались потратить на эту цель».

Л. Джонсон поддержал предложенный Р. Макнамарой план и поручил ему совместно с С. Вэнсом по возвращении в Вашингтон «немедленно связаться с Дином Раском и Госдепартаментом, чтобы они могли перейти к делу и начать обсуждение с Советами, которое, к счастью, трансформировалось позднее в переговоры о SALT»⁸.

Поручение президента было выполнено в тот же день. Вернувшись в Вашингтон, во второй половине дня Р. Макнамара пригласил для встречи заместителя госсекретаря Н. Катценбаха (Д. Раск отсутствовал),

Т. Томпсона и еще нескольких человек для ознакомления с распоряжениями президента. «Госдепартамент был в восторге от разрешения приступить к действиям», но поскольку это была «абсолютно беспрецедентная инициатива», они настояли на звонке в их присутствии Р. Макнамары президенту Л. Джонсону, чтобы «вновь обсудить с ним эту проблему вновь и убедиться, нет ли в чем-либо недопонимания», и «ясно услышали его полную поддержку нашего предложения. Они были готовы предпринять необходимые шаги для контакта с Советским Союзом».

С момента одобрения Л. Джонсоном в декабре 1966 г. инициативы о начале с переговоров о SALT до встречи с А.Н. Косыгиным в Глассборо, Нью-Джерси, 23–25 июня 1967 г. состоялись многочисленные контакты Л. Томпсона с послом А.Ф. Добрыниным, и последнего с членами Политбюро ЦК КПСС. Приблизительно в апреле 1967 года, за неделю или две до отъезда посла в Москву для консультаций, Р. Макнамара сделал нестандартный шаг, когда получил от своего американского друга известие о желании А.Ф. Добрынина переговорить с ним по этому поводу. Р. Макнамара ответил, что будет рад встретиться с ним, но его друг высказал иное мнение: «Будет гораздо лучше, если я [Макнамара] скажу [об этом] ему, Добрынину, сам».

Встречи на подобном уровне были ограничены протоколом, но Р. Макнамара позвонил А.Ф. Добрынину и сказал, что «понял, что он хочет со мной поговорить, и сам был бы рад с ним поговорить». В беседе с У. Ростом Р. Макнамара, рассказывая об этой истории много лет спустя, оценил свой шаг следующим образом: «Я понял, что это была ошибка, лишь только я ее сделал», поскольку в ответ услышал: «О, я не знаю, откуда Вы получили эту информацию. Я точно не предпринимал такой инициативы». Осознав произошедшее и попытавшись воспользоваться ситуацией, министр сказал послу, что был бы очень рад с ним познакомиться в любое удобное для него время. А.Ф. Добрынин ответил, что ему также будет очень приятно встретиться. Р. Макнамара

уточнил, где бы он хотел встретиться с ним, у него дома или в офисе. Посол сказал: «Я думаю, было бы значительно более приемлемо, если бы мы встретились у Вас дома».

Встреча состоялась дома у Р. Макнамары, посол приехал один, что «было достаточно необычно для представителя советского руководства – встречаться с министром обороны, особенно у него дома». По воспоминаниям Р. Макнамары, у них состоялось очень откровенное обсуждение интересов каждой из наций: потребности сил сдерживания; действия, которые каждой из сторон следовало предпринять для сохранения сдерживания на более низком уровне стратегических ядерных сил; выгоды для обеих наций от обсуждения этих вопросов. Хотя А.Ф. Добрынин не сделал никаких заверений, у Р. Макнамары сложилось «впечатление, что посол лично очень расположен к началу обсуждения».

Вскоре стало известно о предстоящем визите в Нью-Йорк А.Н. Косыгина на сессию ООН, и было решено пригласить его от имени президента Л. Джонсона на неформальную встречу в Глассборо в колледже по подготовке учителей. Он провел там весь день, и добрую его часть Л. Джонсон и А.Н. Косыгин беседовали наедине. Во время ланча, в присутствии 10–12 гостей, включая Л. Джонсона, А.Н. Косыгина, Р. Макнамару, Л. Томпсона, А. Гарримана, президент обратился к Р. Макнамаре: «Боб, объясни премьер-министру, почему движение по ограничению стратегических вооружений и особенно отказ от размещения antibалистических ракет – в интересах обеих наций». Министр изложил все «за» и «против» противоракетной обороны и пояснил, почему в интересах обеих наций будет не разворачивать такую оборону⁹. В частности, поскольку если СССР продвинется в ПРО, США придется ответить ему развертыванием своих наступательных средств, «это будет процесс, где каждое действие будет неминуемо вызывать противодействие, каждая сторона должна понимать и учитывать это в отношении своих шагов и того, как будет реагировать на это другая сторона». В интервью У. Росту

Р. Макнамара привел ответ А.Н. Косыгина: «Ваша позиция бесчеловечна и аморальна. Мы, Советы, действуем морально. Мы только защищаем нашу родину. Мы думаем о собственной защите. Вы думаете только о том, как расширить свои наступательные ракетные силы». Министр обороны прокомментировал его слова следующим образом: «Вполне понятно, что без предварительного обдумывания премьер-министр не согласился с нашей точки зрения». Вместе с тем к завершению дня Л. Джонсон и А.Н. Косыгин пришли к мнению о желательности дальнейшего исследования предмета и поэтому вопреки ранее согласованному расписанию согласились встретиться во второй раз в воскресенье. По мнению Р. Макнамары, стоявшего у истоков переговорного процесса о SALT, «встреча в Глассборо способствовала пониманию обеими сторонами позиции другой стороны; но это была лишь одна из серии встреч, имевших место в последующие месяцы, до того как переговоры о SALT действительно начались»¹⁰.

Важную роль в изменении официальной советской позиции по вопросам ОСВ и ПРО сыграли академики М.Д. Миллионщиков и Л.А. Арцимович, участвовавшие в Пагуошском движении. В период 1965–1975 годов при поддержке Академии наук СССР и Американской академии искусств и наук работала «Советско-американская исследовательская группа по разоружению и контролю над вооружениями», сопредседателями которой были М.Д. Миллионщиков и крупный американский ученый П. Доти. Ежегодно проводились встречи группы, являвшейся частью Пагуошского движения, но существовавшей независимо. По свидетельству П. Доти, деятельность группы в период 1965–1973 годов стала «площадкой для детального обсуждения текущих проблем контроля над вооружениями, таких как подготовка первого Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) и Договора по противоракетной обороне (ПРО) 1972 г., а также поиска путей уничтожения в будущем арсеналов ядерного оружия. В 1967 г. Р. Макнамара

не смог убедить в этом А.Н.Косыгина. Но во время обсуждения в Советско-американской группе М.Д. Миллионщиков и Л.А. Арцимович осознали необходимость заключения подобного соглашения. В 1968 г. стало известно, что официальная позиция Советского Союза пересмотрена, и появилась возможность начать работу по подготовке Договора по противоракетной обороне. Позже некоторые участники переговоров по ПРО говорили, что дискуссии в рамках советско-американской группы были важным предварительным условием заключения договора»¹¹.

З

Во время традиционного «ланча по вторникам» 20 августа 1968 г. президент Л.Джонсон со своим ближайшим окружением оценили ситуацию в Чехословакии и степень вероятности выступления Советов, исходя из факта сделанного Москвой предложения о переговорах. У. Ростоу предложил эту тему обсуждения по собственному выбору, что было «для него нехарактерно»: по установившемуся порядку он всегда обзванивал участников регулярных встреч для определения вопросов повестки¹².

По свидетельству президента Л. Джонсона, он не был оптимистичен на этот счет, поскольку «предполагал возможность вторжения [в Чехословакию]», несмотря на готовность объявить о прорыве в американо-советских отношениях. Мнения участников обсуждения разделились. По предположению Д. Раска, Москва не согласилась бы на объявление даты встречи, если бы планировались какие-то действия в Чехословакии, поскольку фактически это означало бы отмену саммита. Р. Хелмс обратил внимание на только что завершившийся чрезвычайный пленум ЦК КПСС. Годы спустя, К. Клиффорд охарактеризовал в своих мемуарах общее настроение во время ланча: «Помня жестокость советских мер в Венгрии в 1956 году, мы были обеспокоены возможным вторжением Москвы»¹³. В полдень ЦРУ доложило, что «Советы и другие войска Варшавского договора перешли чехословацкую границу».

Спустя несколько часов информация разведки подтвердилась. В 7:06 вечера Л. Джонсону позвонил У. Росту с сообщением о просьбе советского посла А.Ф. Добрынина принять его в 8:00 вечера¹⁴, то есть – безотлагательно – для передачи послания от советского правительства лично президенту, не назвав У. Росту его темы. Президент предположил, что это может касаться Чехословакии, и распорядился привести посла в свой кабинет. Третьим участником встречи был У. Росту, записавший беседу.

Л. Джонсон, видя напряжение посла и, по всей вероятности, желая прозондировать ситуацию о возможном изменении статуса А.Н. Косыгина, а также для того, чтобы разрядить обстановку, сообщил о просмотре накануне вечером цветного фильма о встрече в Глассборо с премьер-министром, дружественно встреченного толпой. А.Ф. Добрынин, на лице которого после нескольких минут разговора с президентом заиграла была улыбка, вновь стал серьезным и «принялся нервно зачитывать» длинное заявление, суть которого состояла в оправдании действий СССР в отношении Чехословакии. Завершался текст заявления следующими словами: «Мы исходим из факта, что современные события не повредят советско-американским отношениям, развитию которых советское правительство, как и прежде, придает большую значимость»¹⁵.

После ухода посла¹⁶ в десять часов вечера Л. Джонсон провел экстренное совещание Совета национальной безопасности (СНБ) в составе вице-президента Х.Хамфри, госсекретаря Д. Раска, министра обороны К. Клиффорда, директора ЦРУ Р. Хелмса, председателя Объединенного Комитета Начальников Штабов вооруженных сил США (ОКНШ) генерала Э. Уилера и еще нескольких человек, чтобы «оценить этот последний виток развития [событий]»¹⁷. Первый пункт для обсуждения Л. Джонсон сформулировал следующим образом: «Мы должны немедленно обдумать время [нашей] предполагаемой встречи с Советами». Присутствующих ознакомили с нотой советского правительства,

переданной послом. Президент поставил двойной вопрос: могут ли проводиться переговоры вообще, и не будет ли готовность к переговорам «выглядеть, как если бы мы простили их действия»¹⁸.

К. Клиффорд оценил мотивацию действий СССР и стран ОВД, представленную в ноте, однозначно: «Конечно, это была полная ложь; фактически, шло массивное советское вторжение в Чехословакию»¹⁹, а завершающие слова с выражением надежды, что «текущие события не нанесут вреда советско-американским отношениям» он квалифицировал как «неубедительную ссылку на саммит». Л.Джонсон заявил, что чувствует себя обманутым Косыгиным, добавив: «Может быть, я был напитан медоточивым посланием Косыгина по поводу саммита, но похоже, что решение о вторжении было принято в последнюю минуту»²⁰. Достоин внимания комментарий, сделанный К. Клиффордом, поскольку он свидетельствует о хорошем понимании американцами психологии своих партнеров по диалогу и мотивации их поступков. В частности, он высказал предположение о вероятности того, что А.Н. Косыгин не являлся центральной фигурой принятого решения, что он утратил власть. Предположение оказалось верным – по прошествии некоторого времени стало известно о переходе власти к Л.И. Брежневу.

Д. Раск был удивлен последовательностью действий Советов и пояснил: «Это демонстрирует, что они презирают США». К. Клиффорд заметил, что ему самому не ясна причина предпринятого Советами действия. Все хотели избежать повторения неприятного прецедента 1956 г. периода президентства Д. Эйзенхауэра, когда ЦРУ оказало лишь словесную поддержку венгерскому сопротивлению, которому «мы были не способны и не пожелали оказать более существенное содействие»²¹. В 1970 г. Д. Раск, отвечая во время интервью на вопросы о Чехословацком кризисе (были ли длительные дебаты о том, какой должна быть реакция; желал ли кто-нибудь сделать больше, чем США были способны сделать?) и возможной реакции Штатов, назвал не-

сколько важных моментов, из которых исходила администрация Л. Джонсона во время интервенции ОВД: «Чехословакия очень активно следовала идее мировой революции, временами вмешиваясь в дела других стран и стимулируя повсюду диссидентские группы <...> почти столь же активно, как Красный Китай и сам Советский Союз <...> любое наше действие в поддержку Чехословакии могло означать войну, а мы не были готовы развязать войну по причине внутренних событий в Чехословакии»²².

Обращает на себя внимание упоминание Д. Раском попыток США предупредить СССР о необходимости осторожного и индивидуального подхода к разным странам. Например, вторжение СССР в Румынию, вероятно, не привело бы к прямому ответу со стороны США, но случись подобное с Югославией, это могло бы создать «широкомасштабный кризис, поскольку угроза движения Советской армии к Адриатике могла бы стать серьезной проблемой для всех членов НАТО, в частности, для США. Таким образом, президент Джонсон попытался предостеречь Советский Союз от возникновения любых последующих «чехословакий».

Соединенные Штаты не делали СССР официальных предупреждений по поводу Чехословакии, пока не произошли сами события. «Мы сыграли спокойно и тихо, более или менее с благословения самих чехов. Мы в частном порядке поговорили с Советским Союзом о Чехословакии и решительно опротестовали их попытки обвинить западных империалистов в нагнетании ситуации в Чехословакии».

Из информации, полученной американцами позже, стало известно о принятии Советами решения о вторжении в Чехословакию в субботу 17 августа 1968 г.; в действительности они осуществили интервенцию в следующий же вторник. Параллельно руководство СССР сделало предложение США об одновременном объявлении саммита по поводу начала переговоров о SALT. Во время интервью в 1970 г. Д. Раску задали вопрос: не думает ли он, что в этом решении был некий элемент, нацеленный на недопущение переговоров о SALT и саммита?

Он ответил: «Нет. Я думаю, в советской машине проведения политики это были два различных курса, и просто так совпало, что они осуществились одновременно».

Для всех участников «ланча по вторникам» было очевидно два обстоятельства: во-первых, страны НАТО не поддержат военные действия; во-вторых, чехословацкая сторона дала знать, что не намерена оказывать военное сопротивление и не будет приветствовать какой-либо ответ со стороны Запада. Оставалось лишь «наблюдать и беспокоиться», избегая любых действий, способных взорвать ситуацию, надеясь, что усиливающаяся международная критика и авторитет, которым располагал СССР как великая держава, смогут удержать советское руководство от подавления умеренного чешского либерализма. Завершая обсуждение, президент Джонсон подвел итог: «Мы ничего не можем немедленно предпринять по поводу чехословацкой ситуации» — и проинструктировал Д. Раску позвонить в этот же вечер советскому послу и отменить объявление о визите президента США в Советский Союз и технических переговоров по ядерным аспектам.

Госсекретарь Д. Раск пригласил к себе посла А.Ф. Добрынина поздно ночью 20 августа для передачи ответа Л. Джонсона руководству СССР: «Мы встретили Ваше сообщение с большой озабоченностью. В нем есть несколько пунктов, которые нас озадачили, поскольку у нас нет достаточной информации. Во-первых, нам непонятна ссылка на просьбу правительства Чехословакии в свете радиопередачи из Праги, в которой говорится, что силы Варшавского пакта вступают в Чехословакию без ведома Президента Чехословакии, Президента Национального собрания, Премьера и Председателя Компартии Чехословакии. Во-вторых, нам непонятна ссылка на внешние агрессивные силы, выступающие против существующего порядка в Чехословакии. У нас нет никакой информации, подтверждающей, что какая-либо несоциалистическая страна замышляет агрессию против Чехословакии, была вовлечена в нее прежде или вовлечена в нее сейчас.

Наконец, мы чувствуем, что должны обдумать вопрос об объявлении возможной встречи между нашими лидерами еще раз, и мы свяжемся с Вами по этому вопросу»²³.

Примечательным было пояснение Д. Раска, сделанное послу, что последняя часть касается лишь вопроса о возможности объявления о такой встрече, но это не является изменением позиции правительства США в отношении самой встречи. Тональность комментария по этому поводу в мемуарах Добрынина и сделанный им акцент свидетельствуют о значимости ответа о предполагаемой встрече для руководства СССР: «Самым важным в этом ответе было то, что Джонсон, несмотря на последние события, все еще надеялся на встречу в Москве!».

После заседания СНБ Л. Джонсон сделал звонок в Нью-Йорк Р. Никсону²⁴, кандидату в президенты от республиканской партии. Сделано это было по этическим соображениям. Поскольку на совещании присутствовал вице-президент Х. Хамфри, участвовавший в президентской кампании от демократической партии, Л. Джонсон посчитал, что Р. Никсону следует знать о произошедшем, и предложил держать его информированным по всем важным событиям (он объяснил степень сближения с Советами в переговорах о SALT и обсуждении мирного использования ядерной мощи, рассказал о ситуации вокруг Чехословакии и о визите посла А.Ф. Добрынина). В ответ Никсон поблагодарил Л. Джонсона за информацию и заверил его в том, что он не будет говорить ничего, что могло бы затруднить работу президента США²⁵.

«На фоне бессердечного, возмутительно-го нападения СССР на Чехословакию русские начали настойчивее продвигать встречу на высшем уровне и переговоры по ядерному оружию, вероятно, чувствуя, что эти дискуссии смягчат критику действий Москвы во всем мире» — писал в мемуарах Л. Джонсон. Позицию США он охарактеризовал следующим образом: «Мы выжидали, пока Организация Варшавского договора выведет из Чехословакии свои силы, а атмосфера в Центральной Европе успокоится»²⁶.

4

Готовясь к переговорам с Москвой, к лету 1968 г. США разработали следующую формулу: 1) должен быть совершен обмен техническими документами, в которых США и Советы установят общие положения по ограничению стратегических оборонительных и наступательных вооружений; 2) советское руководство проведет встречу на высшем уровне с президентом Америки [Л. Джонсоном] и попытается достичь соглашения об установлении широких рамок для руководства переговорным процессом с обеих сторон; на встрече также будут обсуждаться другие международные проблемы, особенно Ближний и Средний Восток и Юго-Восточная Азия; 3) продолжение технических переговоров будет основываться на согласованных принципах, но под полным контролем нового президента.

Оценка Л. Джонсоном степени готовности к лету 1968 г. американского правительства к переговорам с русскими свидетельствует о тщательной подготовке и стратегическом подходе, а отнюдь не о корыстных и сиюминутных побуждениях «оставить след в истории». До истечения его президентского срока в январе 1969 г. оставалось шесть месяцев — время, на протяжении которого вполне можно было еще многое успеть сделать. «Мы были готовы настолько, насколько может быть готовым правительство для совершения исторических преобразований» — писал Л. Джонсон²⁷. В частности, было достигнуто согласие между различными министерствами и ведомствами, позицию администрации поддерживали специалисты по разоружению и ОКНШ, специалисты Комиссии по Атомной энергии, политические эксперты в Госдепартаменте.

Это подтвердил и К. Клиффорд в интервью 15 декабря 1969 г.: «<...> мы провели несколько встреч на уровне Кабинета; в нашем распоряжении была чрезвычайно способная группа второго уровня, до встречи на уровне Кабинета организовавшая ряд встреч в составе экспертов. Наконец, к весне-лету 1968 г. мы <...> достигли соглашения относительно всех основных прин-

ципов. <...> Группа сумела достигнуть соглашений, и это стало одним из поистине выдающихся достижений администрации Джонсона. Президент согласовал с премьер-министром Косыгиным дату предстоящих переговоров на 19–20 августа»²⁸.

Его слова свидетельствуют о реальной готовности обеих сторон к началу переговоров: «Мы были уже так близко — конечно, Президент был очень расстроен срывом мероприятия, ведь это была одна из самых важных для него целей. Даже после отмены встречи мы надеялись, что мы сможем осуществить задуманное где-то к ноябрю. Мы были полностью готовы, предварительная работа была уже проделана». В сложившейся ситуации администрация США решила отказаться от проведения переговоров в назначенное время, но не отказываться от самой идеи саммита в принципе. Выразив в достаточно жесткой форме свое несогласие с происходящим в Чехословакии, она тем не менее оставила возможность возобновления контактов с русскими при более благоприятных условиях в будущем.

Действия руководства СССР вызывают недоумение и свидетельствуют о внутренних противоречиях в советском руководстве и наличии нескольких противоречащих друг другу сценариев. В этой борьбе возобладала та, кто выступал за урегулирование силовыми методами. Глава КГБ Ю.В. Андропов при поддержке министра обороны А.А. Гречко, секретаря ЦК Д.Ф. Устинова повлиял на принятие решения о вводе войск в Чехословакию. Советские ракетные войска стратегического назначения были приведены в состояние повышенной боевой готовности.

Фактически накануне ожидавшегося в обеих столицах объявления о предстоящей встрече и за несколько дней до чехословацких событий США провели испытания новых образцов вооружений стратегического назначения, межконтинентальных ракет «Минитмен» и «Посейдон» с разделяющейся головной частью с боевыми блоками индивидуального наведения на цель (РГЧ ИН). На тот период СССР такими вооружениями не располагал. Испытание совет-

ского аналога, ракеты Р-36 (SS-9 «Satan» по классификации НАТО) с РГЧ ИН, состоялось позже. Однако страны ОВД располагали в Восточной Европе численно превосходящим Североатлантический альянс крупным контингентом сухопутных войск, а также имели высокую концентрацию обычных вооружений. Верность этого расчета продемонстрировало вторжение войск в Чехословакию (асимметричный ответ). В ходе вторжения одновременно решалась задача усмирения либерального правительства А. Дубчека и устрашения других правительств социалистических стран, склонных к либеральным преобразованиям.

Это наблюдение подтверждается ходом развития событий. Осознанность (если не намеренность) шага советского руководства подкрепляется свидетельством посла А.Ф. Добрынина: «В Москве существовало мнение, что после событий в Чехословакии Джонсон откажется от поездки в Москву»²⁹. Представляется, что главным в этой ситуации был далеко не вопрос усмирения граждан Чехословакии и не внутрипартийные баталии за властное влияние. Оба обстоятельства использовались в качестве пускового крючка для запуска определенной желаемой последовательности развития событий.

5

«К ноябрю чехословацкая пыль осела и президент все еще имел надежду на то, что мы сможем согласовать дату и начать переговоры» — так пояснял К. Клиффорд мотивацию предпринятых администрацией в этом направлении шагов. Принимавший участие в межпарламентской конференции в Европе заместитель госсекретаря США Н. Катценбах заявил 26 октября 1968 г., что диалог с Москвой должен быть продолжен, невзирая на Чехословакию. Десятью днями ранее в подобной же тональности высказался и госсекретарь Д. Раск. Ответ со стороны русских последовал в виде приглашения 11 ноября премьер-министром А.Н. Косыгиным Р. Макнамары посетить Кремль для трехчасовой беседы о Договоре об ограничении стратегических вооруже-

ний (SALT)³⁰ (он остановился в Москве вместе с супругой по пути следования в Афганистан по делам Миртового банка). На следующий день, 12 ноября 1968 года, советский дипломат Я. Малик заявил в комитете ООН о готовности своей страны «безотлагательно приступить к серьезному обмену мнениями»³¹. В состоявшемся 14 ноября разговоре с У. Ростоу посол А.Ф. Добрынин сказал, что правительство СССР «считает важным не упустить момент начала [переговоров по] ОСВ».

В Вашингтоне администрация Л. Джонсона установила контакты с советским посольством, и первые сигналы, поступившие из Москвы, были позитивными. В этой ситуации Л. Джонсон посчитал необходимым получить поддержку членов Конгресса и обратился в связи с этим к председателю Комитета по международным отношениям, сенатору Д.У. Фулбрайту. Президент позвонил сенатору первого декабря и пригласил в Белый дом для конфиденциального разговора. Для сенатора это было неожиданностью, поскольку некогда теплые отношения между ним и президентами охладели под влиянием Вьетнама. Во время встречи Л. Джонсон проинформировал его о своем решении начать переговоры о SALT на конференции на высшем уровне и попросил поддержки. По мнению Фулбрайта, это было «нехарактерное действие для человека, оставляющего свою должность», однако, не имея возражений, он пожелал президенту Джонсону преуспеть с этим проектом.

После победы Р. Никсона на президентских выборах 23 ноября 1968 г. Л. Джонсон предложил ему присоединиться к предстоящей поездке на саммит. Р. Никсон отказался, однако президент вторично обратился к нему с предложением выбрать себе верного советника и отправить вместо себя на саммит, наделив его полными правами участия в переговорах. Для этой миссии Р. Никсон предложил кандидатуру отставного дипломата Р.Д. Мерфи. Кроме того, в ходе встречи с назначенным Р. Никсоном на пост советника по национальной безопасности Г.Киссинджером У. Ростоу довел

до него опасения Л. Джонсона о том, что ситуация с технологиями РГЧ ИН может выйти из-под контроля, и о необходимости США и СССР настоять на установлении контроля над ними. Примечательным в калейдоскопе событий последних месяцев администрации Л. Джонсона был факт, отмеченный первым историографом переговоров SALT Д. Ньюхаусом: «Эмиссары из Белого дома и Советского посольства установили контакты с небольшим штабом Киссинджера, работавшего с Никсоном в “Отеле Пьера”». Ответ на SALT был некорректно негативным. Каждому высокопоставленному эмиссару было сказано, что Никсон не будет отвечать ни за одно потенциальное действие Джонсона». По свидетельству старшего советского дипломата, тональность языка в “Отеле Пьера”, была резкой, она предполагала «что-то более сильное, чем просто “мы не хотим быть связанными [обязательствами]”». Участник, представлявший американскую сторону, также подтвердил, что Р. Никсон угрожал в последнюю минуту отказаться от любого соглашения, которое может заключить Л. Джонсон. Таким образом, вето накладывал Никсон, а не Москва; теперь уже будто бы не она выбирала, отказаться Л. Джонсону в согласовании даты заветной встречи или принять его предложение³². Это же обстоятельство привел американский исследователь Р.Л. Гартхофф, сославшись на официального советского представителя³³. Уходящая и приходящая ей на смену администрации вели сепаратные и нескоординированные переговоры с Советами, оставив за последними право принимать окончательное решение.

В конце ноября 1968 г. американцы предприняли последнюю попытку начать переговоры по ОСВ, направив послание своему послу в Москве Л. Томпсону³⁴ и наделив его полномочиями согласовать встречу на высшем уровне в Женеве накануне Рождества. 29 ноября он информировал министра иностранных дел А.А. Громыко о предложении американского правительства. Реакция министра, воздержавшегося от комментариев, была интерпре-

тирована таким образом, что советское руководство «еще считает встречу возможной». Однако дальнейшее развитие событий развеяло все надежды: в течение следующих 10 дней «энтузиазм русских значительно остыл». Л. Томпсону стоило большого труда встретиться с послом А.Ф. Добрыниным, отозванным в Москву для консультаций. Когда же эта встреча состоялась, оказалось, что Советы уже утратили интерес к встрече. Л. Томпсон сообщил американскому правительству со слов А.Ф. Добрынина о реакции советского руководства: «Если президент США решит отказаться от встречи, то Москва сможет это понять, и это не вызовет обиды».

По мнению Л. Джонсона, руководство СССР было не готово к проведению встречи и рассчитывало на переговоры со вступающей в полномочия с 20 января 1969 г. новой администрацией, что со своей стороны приветствовалось и окружением Р. Никсона. Об этом же говорил в своем интервью К. Клиффорд, сказав, что изменение отношения русских к переговорам «объясняется вполне понятными причинами»: «новая администрация не хотела, чтобы эти переговоры начались в период администрации Джонсона. Каким-то образом узнав об этом, Советы поняли, что им не следует садиться за стол переговоров с администрацией Джонсона, если это противоречит устремлениям новой администрации»³⁵.

Д. Раск приводит довольно интересный факт, дополняющий эту ситуацию недостающими деталями: «Мы не оставляли своих попыток вплоть до декабря 1968 г. У меня сложилось впечатление, что русские пришли к выводу о том, что начинать переговоры о SALT с уходящей администрацией бессмысленно; они хотели подождать и участвовать в переговорах уже с новой администрацией, несмотря на то, что мы дополнительно указали на возможность таких переговоров с г-ном Никсоном, предварительно получив его согласие в случае согласия Советов начать переговоры в декабре»³⁶. К. Клиффорд, выступая 15 декабря 1968 г. в одной из программ новостей по американскому телевидению,

указал на тупиковость ситуации переговоров о SALT. Он публично подверг жесткой критике топтание на месте и настойчиво убеждал начать эти переговоры как можно скорее на любом уровне, на который смогут согласиться обе стороны³⁷. Спустя год, в ноябре 1969 г. в Хельсинки, наконец, начались переговоры о SALT.

Примечателен малоизвестный факт о представлении «прямо накануне отставки Джонсона» странам – членам НАТО Каталога целей и принципов по контролю над стратегическим оружием («A Catalogue of Objectives and Principles on controlling strategic arms»). Каталог, присланный в американскую миссию при НАТО в Брюсселе 13 января 1969 года, содержал изложение целей и принципов SALT. В начале осени 1968 г. по указанию президента Л. Джонсона У. Росту передал его послу А.Ф. Добрынину. В ноябре А.Ф. Добрынин представил ответ своего правительства на 3-х страницах, из которого следовало, что с несколькими незначительными исправлениями Москва принимает американское заявление³⁸.

15 января 1969 года, за пять дней до инаугурации Р. Никсона, посол США в НАТО Х. Кливленд представил Каталог на «частной встрече» со своими коллегами, проведенной в конференц-зале Генеральным секретарем М. Брозио. Подобные встречи ограничиваются участием послов, вызванных по телефону, они ведутся без предварительного информирования о предмете встречи и без сопровождения переводчиков и стенографистов. Официальная запись таких встреч не сохраняется, так как целью их является дать собравшимся говорить более откровенно об особо чувствительных темах, которые довольно часто выпадают из повестки НАТО³⁹.

Каталог Кливленда содержал четыре цели и два принципа, которые, в значительной мере в силу названного обстоятельства, нелегко восстановить полностью. Тем не менее формулировка одной из целей, относящейся к «особо беспокоящей» теме, известна дословно: «улучшить взаимопонимание американской и советской сторон посредством установления непрерывного про-

цесса обсуждения проблем, возникающих из стратегической ситуации». Беспокойство европейских дипломатов было вызвано предполагаемым достижением кондоминиума США-СССР по вопросам мира и безопасности в обход Европы, озабоченной этими же проблемами и постоянно требовавшей от своего союзника Америки подтверждения гарантий (при том, что эти гарантии предоставлялись всегда и безотказно. — Л.З.). Запись Генерального секретаря М. Брозиио от 23 января касается реакции участников встречи: «Совет поддержал основные положения, предложенные США, отметив важность ориентации на интересы всего Альянса в целом».

Администрация Р. Никсона восприняла Каталог с раздражением, особенно следующие два принципа: 1) «ограничение и сокращение стратегических вооружений должно быть комплексным, включая как оборонительные, так и наступательные системы вооружений» (это означало, что вместо продолжения программы по созданию антибаллистических ракет необходимо будет ее приостановить); 2) «ограничение и сокращение стратегических вооружений должно быть сбалансированным, чтобы ни одна из сторон не получила военного преимущества, и безопасность должна быть в равной степени гарантирована обеими сторонами» (что предполагало принятие принципа паритета, отклоненного Р. Никсоном во время избирательной кампании)⁴⁰.

Р. Никсон и Г. Киссинджер не торопились приступать к переговорам о SALT, «среди прочего, [их] немало смущал необычайный энтузиазм советской стороны». В день инаугурации президента, 20 января 1969 г., пресс-секретарь советского министра иностранных дел объявил о готовности Москвы «начать серьезный обмен мнениями» с США, когда администрация Р. Никсона будет готова сесть за стол переговоров «о взаимном ограничении и последующем сокращении стратегических ядерных вооружений, включая оборонительные системы».

Очевидным было деструктивное влияние Чехословацкого кризиса на этот аспект американско-русских отношений, так же

как и на процесс ратификации обеими сторонами подписанного ими в Вашингтоне 1 июля 1968 г. совместно с Великобританией ДНЯО. Когда договор был вынесен на одобрение Сената США, отношение многих сенаторов к достигнутому с Москвой соглашению было отрицательным по причине напряженной атмосферы в связи с чехословацким кризисом. Было очевидным желание лидеров республиканской партии отложить его одобрение вплоть до инаугурации с тем, чтобы новая администрация оказалась причастной к этому историческому решению. США ратифицировали ДНЯО в марте 1969 года. По прошествии восьми месяцев, 24 ноября 1969 г., это сделал СССР. Встреча на высшем уровне по проблеме SALT, не состоявшаяся, главным образом, из-за действий и позиции советского руководства, была проведена только четыре года спустя, 22–30 мая 1972 г.

За годы президентства Л.Б. Джонсона (1963–1969) с СССР было заключено больше соглашений, чем за 30 лет до того со дня установления дипломатических отношений⁴¹. По его мнению, из всех подписанных с Москвой соглашений труднее всего и важнее всего было заключить ДНЯО (1968). О необходимости его заключения он написал в своем первом письме Н.С. Хрущеву в январе 1964 г. и вновь вернулся к этой проблеме в своем первом письме на имя нового советского руководителя Л.И. Брежнева в конце декабря 1964 г. Совершенно очевидно, что именно колоссальная подготовительная работа, проведенная администрацией Л. Джонсона, заложила фундамент для последующих успешных двусторонних договоренностей периода президентства Р. Никсона, идентифицируемого как «разрядка международной напряженности» («détente»).

Описанные обстоятельства позволяют усомниться в правомерности жесткой датировки начала «разрядки» (1970-е годы), связываемой исключительно с президентством Р. Никсона. Важно помнить также об очевидном факте: для США и их союзников по НАТО «détente» являлась лишь средством обеспечения безопасности и благо-

приятных условий для развития, а также борьбы с коммунизмом, размывания его канонів, вовлечения стран ОВД в международное сотрудничество и, как следствие, их либерализации.

«Джонсон знал, что у него недостаточно времени для завершения комплекса переговоров, необходимых для достижения соглашения по контролю над вооружениями, но он мог начать переговоры и, как минимум, попытаться обязать своего преемника [Р. Никсона. — Л.З.] к заключению определенных соглашений»⁴² — такое объяснение настойчивых усилий администрации в последние три месяца пребывания у власти предложил К. Клиффорд. Президент Америки и его ближайшее окружение, затратившие на протяжении пяти лет много времени и сил на нахождение точек соприкосновения с русскими в разрешении важных мировых проблем (в частности, нераспространение ядерного оружия), с большим сожалением констатировали, что, прежде чем удалось приступить к реальным действиям по разоружению, было потеряно много времени. Мотивацией последовательных, настойчивых действий со стороны президента Л. Джонсона было его понимание ценности времени (на согласование обеими сторонами конкретных предложений в «этой жизненно важной сфере» ушли долгие месяцы), а также развития технологий и опасности быстрого роста производства оружия в обеих странах. *Однако более прочего на его решимость повлияло то, что он «знал, как много времени требуется Советам для того, чтобы прийти к внутреннему согласию относительно выдвинутых ими самими предложений»*⁴³.

* * *

Влияние осуществленного Советским Союзом совместно со своими союзниками по ОВД вторжения в Чехословакию в августе 1968 г. сказалось на состоянии отношений США-СССР и на возможности начала переговорного процесса о SALT, а также на американо-французских, французско-советских и, как следствие, межсоюзнических отношениях в НАТО. Представляется, что амбивалентность поведения Франции в

1968 г. на фоне внутривнутриполитического и внутриэкономического кризисов в самый разгар Чехословацкого кризиса оказала значительное влияние и на американскую, и на советскую стороны. Первоначально де Голль намеревался продолжать отношения с Советами, как и прежде, затем последовал период переосмысления позиции и некоторого сближения с США и союзниками по альянсу. «Особость» отношений Франции с СССР с 1966 г., пестуемая после ее выхода из военной организации НАТО, была раздражающим фактором в межатлантических отношениях. Избрание Р. Никсона в США в ноябре 1968 г. на пост президента от республиканской партии и связанные с этим ожидания де Голля (идея директории ядерных держав НАТО, с 1958 г. последовательно предлагавшаяся им всем президентам США: Д. Эйзенхауэру, Дж. Кеннеди, Л. Джонсону, Р. Никсону), предстоящий саммит НАТО в Вашингтоне в апреле 1969 г. по случаю 20-летней годовщины создания организации и новые идеи ее развития — все это, несомненно, находилось в фокусе внимания новой администрации и являлось фактором, определявшим приоритеты при формировании внешней политики, в том числе в отношении СССР.

Главной задачей было укрепление альянса, придание импульса и новой направленности его развитию, и лишь затем вступление в переговоры с СССР по любым важным проблемам, остающимся для них тем не менее второстепенными. При совокупном рассмотрении всех этих обстоятельств, позиция избранного на президентский пост Р. Никсона предстает в ином свете. Возможности различного прочтения ситуации значительно расширяются при учете последовавших за тем событий: уходе в отставку де Голля после референдума 1969 г., сближения Франции с союзниками по НАТО и инициатив администрации Р. Никсона (интенсивные переговоры о завершении войны во Вьетнаме, установление дипломатических отношений с КНР, принятие доктрины Никсона, объявление инициативы «Год Европы», создание Трехсторонней комиссии).

Резюме

В статье на обширном архивном и главным образом мемуарном материале воссоздается с хронологической точностью динамичная картина американско-советских отношений по вопросу перспектив заключения соглашения об ограничении стратегических вооружений. Автор показывает, каким образом в этот процесс вмешались чехословацкие события 1968 г. в свете непрочных позиций Л. Джонсона в преддверии выборов, а вскоре и избрания на пост президента США кандидата от республиканской партии Р. Никсона. Автор приходит к выводу о том, что фундамент прорывных соглашений, ознаменовавших снижение международной напряженности в 1970-х годах, был заложен именно усилиями Л. Джонсона, во много недооцененными.

Ключевые слова: разрядка; ОСВ; ограничение стратегических вооружений; Никсон; Джонсон; Чехословакия.

Abstract

The article based on extensive archival and mainly memoir material recreates with an impressive chronological accuracy of the dynamics of the US-Soviet relations over the prospects of concluding an agreement on limiting strategic arms. The author shows how this process is interfered with by the Czechoslovak events of 1968 and also by the fragile standing of Lyndon Johnson on the eve of the election, and soon afterwards following the election of the Republican candidate Richard Nixon as U.S. president. The author concludes that the foundation for breakthrough agreements, which marked the reduction of international tensions in the 1970s, was laid by the efforts of Johnson, which are still much underappreciated.

Keywords: *détente*; *SALT*; *limiting strategic arms*; *Nixon*; *Johnson*; *Czechoslovakia*.

Примечания

¹ Johnson L.B. *The Vantage Point. Perspectives of the Presidency 1963-1969*. N.Y., 1971. P. 487.

² Ibidem.

³ Clifford Clark with Holbrooke Richard. *Council to the President. A Memoir*. N.Y., 1991. P. 559.

⁴ Тимербаев Роланд. О соглашении между СССР и США 1971 года о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны. // «Ядерный контроль». N 4 (78), Том 11. С. 137. [Тимербаев Roland. O soglashenii mezhdz SSSR i SShA 1971 goda o merah po umen'sheniju opasnosti vzniknovenija jadernoj vojny. // «Jadernyj kontrol». Vol. N 4 (78), 11. P. 137.]

⁵ Clifford Clark. Op. cit. P.560.

⁶ Ibidem.

⁷ Transcript, Robert S. McNamara Oral History Interview I, 1/8/75, by Walt W. Rostow, Internet Copy, The Lyndon Baines Johnson Library (далее LBJ Library).

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem. В 1961 г. Советский Союз первым осуществил перехват баллистической ракеты, вокруг Москвы началось строительство района ПРО А-35, а в США в это время создавались РГЧ ИН, способные преодолеть советскую систему ПРО. По свидетельству Тимербаева Р.М., участвовавшего в переговорном процессе по ПРО и

СНВ, представители администрации США, начиная с 1964 г., обращались к СССР с предложением договориться об обоюдном отказе от создания ПРО или ограничении ее развертывания. Подобные обращения поступали по дипломатическим каналам, а также к видным советским ученым и представителям соответствующих организаций. Первым таким обращением стала беседа директора Агентства по контролю над ограничением вооружений и разоружению и близкого друга министра обороны Р. Макнамары У. Фостера с послом СССР в Вашингтоне А.Ф. Добрыниным 16 января 1964 г. Послу было впервые поручено (18 марта 1966 г.) прозондировать почву на предмет возможности заключения договоренности об ограничении ПРО и наступательных стратегических вооружений в одном пакете, однако У. Фостер воспринял это предложение без энтузиазма. См.: Тимербаев Р. Указ. соч. С. 136. [Тимербаев R. Ukaz. soch. P. 136].

¹⁰ Transcript, Robert S. McNamara Oral History Interview I, 1/8/75, by Walt W. Rostow, Internet Copy, LBJ Library; см.: Кременюк В.А. Начало конца: как зарождалась стратегия выхода из «холодной войны» [опыт реконструкции исторических событий]. // США – экономика, политика, культура. N7, 2010. С. 3 [Kremenjuk V.A. Nachalo konca: kak zarozhdalas' strategija vyhoda iz «hолоdnoj vojny» (opyt rekonstrukcii istoricheskikh sobytij). – // SShA – jekonomika, politika, kul'tura. N7, 2010. P. 3–18]; Тимербаев Р. Указ. соч. С. 131–142. [Тимербаев R. Ukaz. soch. P. 131–142].

¹¹ Цит. по: Тимербаев Р. Указ. соч. С. 137. [Тимербаев R. Ukaz. soch. P. 137]. После смерти

М.Д. Миллионщикова в 1973 г. Советско-американская исследовательская группа по разоружению и контролю над вооружениями потеряла свой «потенциал» и в 1975 г. по инициативе сопредседателя П. Доти была распущена.

¹² *Prados John*. Keepers of the keys. A History of the National Security Council from Truman to Bush. N.Y., 1991. P. 194.

¹³ *Clifford Clark*. Op. cit. P. 561.

¹⁴ Согласно указаниям руководства ССН, посол А.Ф. Добрынин должен был проинформировать Президента Л. Джонсона в интервале с 6 до 8 часов вечера 20 августа 1968 г. о вводе войск СССР и 4-х стран ОВД в Чехословакию. См. подробнее: *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 2008. С. 172–176. [Dobrynin A.F. Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentah SShA (1962–1986 gg.). M., 2008. P. 172–176].

¹⁵ *Johnson L.B.* Op. cit. P. 488; *Clifford Clark*. Op. cit. P. 561; *Prados John*. Op. cit. P. 194–196.

¹⁶ *Ibidem*. В контексте событий, документально подтвержденных участниками с американской стороны, представляется довольно занятным необоснованный комментарий посла А.Ф. Добрынина о реакции Л. Джонсона на зачитанную им ноту советского правительства: «<...> президент явно не придал большого значения трагическим событиям вокруг Чехословакии». См. подробнее: *Добрынин А.Ф.* Указ. соч. С. 173–174. [Dobrynin A.F. Ukaz. soch. P. 173–174].

¹⁷ *Johnson L.B.* Op. cit. P. 488.

¹⁸ *Prados John*. Op. cit. P. 195.

¹⁹ 600000 иностранных военных были введены на территорию суверенного государства Чехословакия (12 танковых, 13 артиллерийских, 2 десантных дивизии; 7500 танков, 1000 самолетов). <http://www.czechiainfo.ru/news/20-08-2008.php>; www.radio.cz.

²⁰ *Clifford Clark*. Op. cit. P. 561.

²¹ *Ibidem*.

²² Transcript, Dean Rusk Oral History Interview IV, 3/8/70, by Paige E. Mulhollan, Internet Copy, LBJ Library.

²³ *Добрынин А.Ф.* Указ. соч. С. 174. [Dobrynin A.F. Ukaz. soch. P. 174].

²⁴ К этому времени состоялась встреча Президента Л. Джонсона и кандидата в президенты от республиканской партии Р. Никсона

(10 августа 1968 г. на ранчо в г. Остине, Техас). См. подробнее: *Clifford Clark*. Op. cit. P. 563–566.

²⁵ *Johnson L.B.* Op. cit. P. 489.

²⁶ *Ibidem*.

²⁷ *Ibidem*.

²⁸ Transcript, Clark M. Clifford Oral History Interview V, 12/15/69, by Joe B. Frantz, Internet Copy, LBJ Library. P. 10–11.

²⁹ *Добрынин А.Ф.* Указ. соч. С. 178. [Dobrynin A.F. Ukaz. soch. P. 178].

³⁰ SALT – Strategic Arms Limitation Talks – название было предложено Р. Мартином, специалистом военно-политического отдела Госдепартамента, и сохранилось в дальнейшем. Для удобства используется применимо и к прелиминарному этапу переговоров по этому типу вооружений. См.: *Prados John*. Op. cit. P. 194.

³¹ *Newhouse John*. Cold Dawn. The Story of SALT. N.Y., 1973. P. 135–136; *Prados John*. Op. cit. P. 195–196.

³² *Newhouse John*. Op. cit. P. 137.

³³ *Garthoff Raymond L.* Détente and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan. Rev. ed. The Brookings Institution. Washington, 1994. P. 11.

³⁴ *Ллевеллин (Томми) Томпсон / Llewellyn E. (Tommy) Thompson* служил послом в СССР 1957–1962, 1967–1969 годах. По мнению Д. Кеннана: «В области переговоров, особенно с Советским Союзом, США никогда не имели представителя мудрее и компетентнее, чем Ллевеллин Томпсон».

³⁵ Transcript, Clark M. Clifford Oral History Interview V, 12/15/69, by Joe B. Frantz, Internet Copy, LBJ Library. P. 11; *Добрынин А.Ф.* Указ. соч. С. 177–183. [Dobrynin A.F. Ukaz. soch. P. 177–183].

³⁶ Transcript, Dean Rusk Oral History Interview IV, 3/8/70, by Paige E. Mulhollan, Internet Copy, LBJ Library.

³⁷ *Newhouse John*. Op. cit. P. 137; *Prados John*. Op. cit. P. 196.

³⁸ *Newhouse John*. Op. cit. P. 137–138.

³⁹ *Ibid.* P. 138.

⁴⁰ *Ibid.* P. 139.

⁴¹ *Johnson L.B.* Op. cit., P. 476.

⁴² *Clifford Clark*. Op. cit. P. 560.

⁴³ *Johnson L.B.* Op. cit. P. 490.